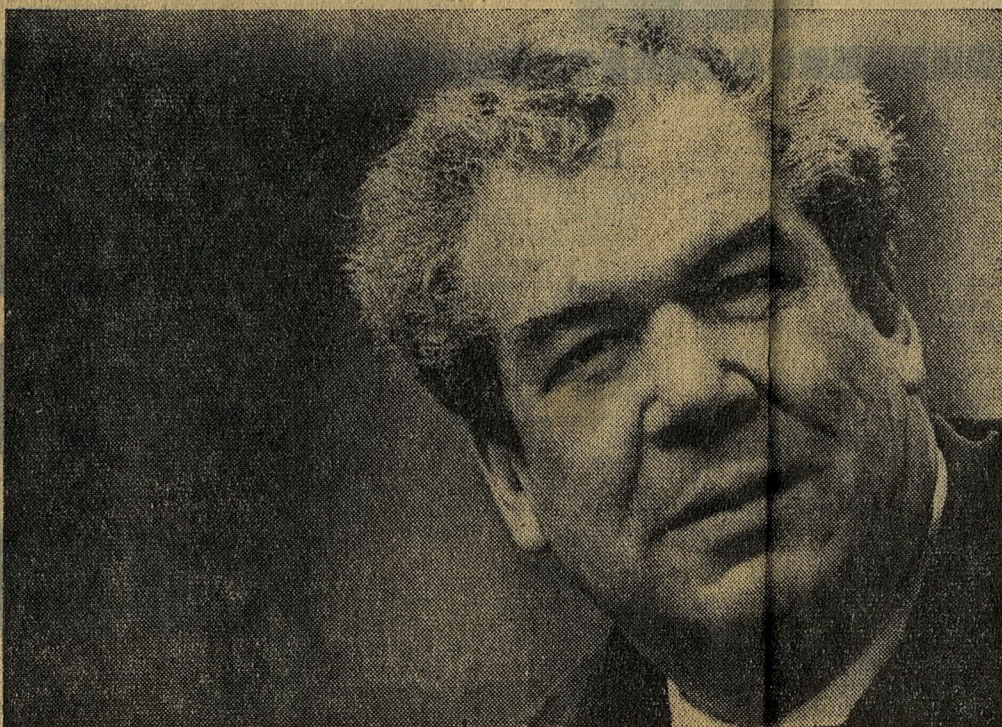

ЛИТЕРАТУРА — ЖИЗНЬ МОЯ

- ♦ Мастер начинается с сомнений
- ♦ Романтик Дон Кихот — реальность всех времен
- ♦ Равнодушная похвала и пристрастный суд
- ♦ И Бондарев, и Быков, и Гончар, и Марцинкявичюс...
- ♦ Истинно национальное — подлинно интернационально

Мустай КАРИМ

Родина, Хлеб, Любовь...

что каждый раз начинаешь все сначала, каждый раз строишь и мысль, и фразу, будто впервые. Быть может, я несколько утрирую — то, что ты делаешь из года в год, становится твоим ремеслом, ремесла без умения тоже быть не может, но все равно — не могу сказать, что вот теперь я писать научился...

ТАЛАНТ — это отвага, или не так: отвага — это атрибут таланта. Талант не может быть трусливым, чем он больше, тем отчаяннее, талант и робость несовместимы. Каждый писатель должен быть убежден, что способен сказать в литературе новое слово. Поэтому, это значит видеть мост сегодняшнего, по которому человек из вчера идет в завтра. Это не только видение, но и предвидение, предвидение социальных, политических перемен, предвидение отношения человека к миру, каким оно будет завтра.

В каждом языке существует несколько тысяч слов, но вечно новые их сочетания. Талантливый писатель не допустит приблизительности, у талантливого поэта рифма незаметна. Иногда видишь, чувствуешь — даже опытный поэт сунул ради рифмы случайное слово, и оно все разрушает своей неточностью.

Может, это очень самонадеянно, но мне, когда я работаю, кажется: вот будет здесь одно неточное или хитрое слово — нарушится гармония слова. Этим я вовсе не утверждаю, что я неповинен в нарушении «гармонии мира». Я не обольщаюсь, что слово мне подвластно до конца, но чувствую ответственность перед ним, пока еще его не высказал. Слова не стареют.

Чтобы старые слова не туснели. Их надобно повторять. Пусть из песни в песню переходят три великих слова: Родина, Хлеб, Любовь. Оружие ли беру, Или хлеб я сею — Я всю жизнь был вашим слугою. Родина, Хлеб, Любовь. Если одну искорку, Если одну крошку их Мы оскверним, то проклянут нас. Тысячекратно проклянут Родина, Хлеб, Любовь. Поставил рядом эти три старых слова — и будто мир открылся мне по-новому. Я тут, как видите, особой скромностью себя не утруждаю.

ПИСАТЕЛЬ — прежде всего убеждение, позиция, принцип — моральный, идейный, нравственный, человеческий. Без этого нельзя бороться за перо. Я размышляю о судьбе великих предшественников. У них были заблуждения, поиски, разочарования, но главное — у них были убеждения, они видели свою цель в служении истине, творчеству, народу. Думаю, если твоё творчество необходимо людям, стране, ты на верном пути. Я сейчас говорю и о моей позиции, позиции писателя-коммуниста, представителя своего времени, писателя, который не мыслит себя без повседневного общения с людьми, с человеческими нуж-

дами. Почти 26 лет я являюсь депутатом Верховного Совета РСФСР. Это, кстати, не есть постоянное свидание с людским счастьем.

Чего скрывать — иногда ворчу, что совсем нет времени писать, что все мне мешает, отвлекает. Уезжаю в Дом творчества, сажусь работать. Но проходит два-три месяца, и я чувствую, что мне чего-то не хватает — не хватает устремленных на меня озабоченных глаз. Даже в наше, в основном благополучное время я их вижу немало. С радостью, честно говоря, к депутату редко приходят, в радости обходятся без нас. А вот с горем, с обидой или с какой-то важной заботой идут к нему. Приходят, когда он нужен. Сколько же историй я выслушиваю, сколько лиц вижу! И вот потом, перед чистым листом бумаги, слезы той женщины, которая вчера пришла со своим горем, делают меня более сочувственным, заставляют взвешивать слова.

ИСКУССТВО не может существовать без открытий. Вторичность, даже упакованная в очень красивые одежды, обречена на небытие. Подлинный писатель говорит вроде бы об известных вещах, но так говорит, что ты поражаешься — ведь кажется, ты сам все это знал, однако же твои чувства, мысли, переживания обрели такое выражение, что самому было недостижимо. Истинный писатель угадывает «истину на все времена», пропуская ее через себя, через свой опыт, размышления, разочарования, боли, и тогда эта истина становится достоянием других.

ЕЩЕ Есенин говорил: поэт поэту — кунак. В прежние времена дружба писателей имела большее значение, чем дружба владык, потому что они имели большее влияние на умы. Но если так было раньше, вопреки общественному строю, то ныне общение писателей разных народов стало естественной и повседневной частью нашего бытия. Дорого, ценно чувствовать, что есть люди, твои собратья, понимающие тебя, и в союзных республиках, и в странах социалистического содружества, и в других землях. Однако одной симпатии мало. Без пропаганды творчества близкого тебе по духу писателя, без перерастания личного общения в писательское слово эти симпатии со временем остынут. В Югославии на поэтических вечерах я встретился и подружился с польским поэтом Ю. Ленартом. Он принял мое творчество близко к сердцу, перевел на польский много моих стихов, трагедию «Не бросай огонь. Прометей».

Любое искусство не может не быть национальным, если оно родилось на национальной почве, но в то же время оно не может не быть интернациональным, ибо интернационализм — его суть. Нельзя думать, что соловей, который сегодня запел в моем саду, зав-

тра не запевет в саду соседа. Так и песни — общее достояние. Разве можно сравнить масштабы обмена духовными ценностями шестидесяти лет назад и ныне? Это не поддается подсчету. Сами принципы жизни Советской страны способствуют тому, чтобы лучшие образцы литературы и искусства любого народа стали общенародным достоянием.

МОЕ ЧТЕНИЕ — это профессиональное чтение. Я читаю выборочно, с прицелом: читаю то, что мне нужно для работы, для строя моих мыслей. В то же время мне необходимо быть в курсе дел моих товарищей — здесь меня ведет познавательный интерес. Чтение — это тоже моя работа. Вроде бы преследую какую-то цель, а когда начинаю читать, книга сама ведет, захватывает. Я очень наивный читатель, очень я верю всем вымыслам. Для меня самая достоверная книга — «Дон Кихот», а литература и искусство — вол-

сказал мне о какой-то строке: «Это от лукавого». Я всегда помню эти его слова и сейчас боюсь его взгляда, его суда.

Я очень дорожу мнением Чингиза Айтматова, Гавриила Троепольского. Это люди, не похлопывающие по плечу — ой, молодец, хорошо написал, они даже не похвалят, просто скажут: «Читал». Потрясла меня фраза одного из очень уважаемых мной писателей. Прочитав мою повесть, он сказал: «Спасибо, отдыхал на правде». Лестно, когда скажет добрые слова Кайсын Кулиев, прочитав вещь в оригинале, ценю отзыв Михайла Дудина. А Расул Гамзатов при встрече повторит какую-то твою строку или фразу. Это уже его оценка. Но это ровесники. А вот что скажут мои более молодые товарищи — башкирские поэты Рафаэль Сафин или Равиль Бикбаев? Их мнение для меня чрезвычайно важно. Мы ведь своим опытом, именем давим на молодых, и нужно быть мужественным человеком, чтобы сказать старшему о том, что кажется неудачным или незавершенным. А они скажут.

Мы слишком привыкли к похвалам, обижаемся, если делаем замечания, — но ведь это же глупо! Человек читал серьезно, вчитывался в текст и говорит не для того, чтобы обидеть. Похвала, без проникновения в сущность произведения, без того, что читающий принимает и отвергает, — это высшая форма равнодушия.

СТРАДАНИЯ тех героев, которые жили в воображении художника 300 —

500 лет назад, нас и сейчас волнуют. Природа человеческая такова, что направлена на восприятие и прошлого, и будущего. Но это не все. Если бы в мире не было страданий в наше время, тогда и те страдания нас не касались бы. Тревоги мира не ушли, человечество всегда живет, боясь за свои надежды. Страх потерять любовь причиняет страдание во все времена. Происходит смена времен, формаций, изменяется сам человек, но он не теряет самой главной своей способности — радоваться, болеть, горевать, ощущать утрату. Это самая высокая способность человека. Чем более высоко организована личность, тем более она ощущает потери. Нас волнуют страсти и метания мавра, леди Макбет потому, что современный человек сам этого не лишен. И еще дело в достоверности изображенных художником образов, страстей. Искусство правды и правда в искусстве — они перешагивают время. Вернемся к Дон Кихоту. Там ничего достоверного нет с точки зрения здравого смысла. Но в каждом из нас немного есть Дон Кихот. Это уж достоверно. Мы наследники всего духовного достояния прошлого, не изживающие — наследники, перерабатывающие его в себе творчески. Достоверность чувств, ощущений, даже лжи делает правдивым произведение.

ЕСЛИ БЫ пришлось писать заново ту или иную вещь, наверно, писал бы так же, потому что я в этом смысле человек консервативный, работаю очень неохотно, не оставляю «недобитой» строку, ненаписанное слово, если оно «не поддается» — дальше не двинусь, поэтому у меня вариантов почти нет. Я по-другому работать не умею, завижусь тем, кто может отложить в сторону повесть и приняться за поэму. Работаю всегда на пределе моих возможностей, моего знания. Так было с «Салаватом», «Прометеем», повестью «Долгое-долгое детство» и другими вещами. Десятилетиями писать эпопеи никогда бы не смог. Для этого нужна другая натура, другой темперамент. У меня недописанных вещей почти нет, жалко, после меня ничего и не обнаружат...

САМЫЙ дорогой образ — это Салават. Меня всегда занимает 22-летний человек, который уже 200 лет является недостижимой высотой для национального духа и самосознания. Я, конечно, создавал свою версию образа героя, потому что в нашей литературе — художественной — и других видах искусства Салават выглядит рыцарем без страха и сомнений. Он был, действительно, бесстрашным героем, но его отличало и еще что-то. Он думал, сомневался, думал о том, что делает, и о том, что будет дальше, после него. И он — поэт и вождь нации — почувствовал свою ответственность перед народом, перед будущим. Я убежден: герои, полководцы, вожди, которые не чувствуют этой ответственности, уходят из сознания народа. Салават — и герой, и мученик. Его возили по деревням, били плетями, розгами, думая тем самым уничтожить, но только возмечивали его. Он не казаясь, не просил пощады. Имя его было наглухо запрещено, но люди сохранили в памяти и его дела, и его стихи.

Я ПИШУ и думаю по-башкирски, но для меня русский язык существует как эталон. Поэтому, работая над словом, незаметно, подсознательно проверяю себя по-русски. Точно ли ложится мое башкирское слово? Обращение к русской речи помогает мне глубже постигнуть тайны моего родного слова. Если бы я знал так же сносно и другие языки, то я был бы еще более свободен в распоряжении богатством моего родного языка. **Запись**

Татьяны АРХАНГЕЛЬСКОЙ
Фото В. КРОХИНА

шебный мир, где переплетаются самый невероятный вымысел и самая незыблемая правда жизни.

ПОРЯ читаешь много такие книги, написанные для утешения страждущих... Человек даже в самое тяжелое время в его жизни благодарен, когда литература понимает его горе, его тяжесть, его боль. «Утешающая» литература не имеет такой силы воздействия. В войну женщины пели грустные песни. Эти песни соответствовали их душевному состоянию. Когда тебе тяжело, рука не потянется и веселой книге. Когда тебе тяжело, горько, в развлекательных книгах ты опоры не найдешь. Я очень уважаю человеческую индивидуальность, человеческие впусы, даже ошибки, заблуждения — если они индивидуальны. Не уважаю, если человек заблуждается вслед за впереди идущим, повторяя все его вихляния. Думаю, что о читательских привязанностях нельзя судить высокомерно. Много спорят о детективе, приключениях, но ведь их читают миллионы людей, и сам я знаю очень умных, образованных и даровитых людей, которые увлекаются этим родом литературы. Не будем же и мы судить о нем пренебрежительно.

МЕНЯ потряс последний роман Айтматова — и в деталях, и в сущности, в дыхании времени, в тревогах его. Это крупное произведение большого художника, коммуниста, который чувствует свою ответственность за то, что делается в мире. Роман пронизан болью и безмерным оптимизмом, безмерной верой в человека. У меня не было разлада с собой, когда читал. Иногда читаешь книги, которые поднимают большие проблемы времени, тревожные проблемы, большие проблемы, и после прочтения в тебе становится еще чуть меньше веры. А это произведение, укрепляющее веру. В романе нет побочных линий, в нем все главное, величественные образы — даже никчемный зять-алкоголик без имени, потрясенный смертью Казангапа. И только сын Казангапа человеком не станет, потому что он не родной, а побочный сын времени, рожденный от греха, без любви. Роман Ч. Айтматова — явление выдающееся, но это не значит, что рядом с его метафорической, притчевой прозой не существуют и другие разнообразные, разножанровые поиски и открытия. Я бы назвал несложную, более того — страстную философскую поэзию Ю. Марцинкявичюса, мудрое, поэтическое повествование О. Гончара, жесткий реализм В. Быкова, неординарный спор с временем о высших принципах человеческого существования Ю. Бондарева. Эти стилисты и творческие направления, и не только они, составляют многообразное единство современной советской литературы.

ОЧЕНЬ важно мнение коллег о том, что делаю. Всегда хотел бы слышать отзыв Твардовского. При жизни они никогда не хвалили моих стихов, только иногда их печатал в журнале «Новый мир». Однажды он